

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Орган Центрального и Московского Комитетов ВЛКСМ

№ 158 (5869)

Среда, 5 июля 1944 г.

ЦЕНА 20 КОП.

Чехов и мировая литература

Т. МОТЫЛЕВА

В известном романе французского писателя Роже Мартен дю Гара «Семья Тибо» есть такой эпизод.

Юный герой романа Жак Тибо — страстная, одаренная, мятущаяся натура — переживает острое душевное потрясение после смерти отца. Он колеблется в поисках жизненного пути; ему трудно собраться с мыслями. И он находит себе духовную опору в воспоминании о пьесе Чехова. «Одна фраза, как музыкальная реминисценция, вспыхнула в его памяти: «Мы отдохнем!» Это была заключительная фраза одной русской пьесы, которую он видел в Женеве. В его ушах еще звучал голос артистки, славянки с детскими чертами лица и наивными, трепетными глазами, которая повторяла, покачивая маленькой головкой: «Мы отдохнем!» Задумчивая интонация, тонкий гармонический звук... «Ты не знал в своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди... Мы отдохнем... Мы отдохнем...»

Весь ход действия романа убеждает, что Жак Тибо вовсе не стремится к отлыгу. Напротив: он хочет действовать, бороться, служить человечеству; он возмущен жестокостью и фальшью окружающих его общественных отношений. В словах чеховской Сони о грядущей прекрасной жизни, о «небе в алмазах» он находит подтверждение своим мыслям о праве человека на радость. В русской пьесе ощущает он ту подлинность, крепость человеческих чувств, ту атмосферу уважения к человеку, которой он не находит вокруг себя.

Этот пример показывает, что значил Чехов для передовой молодежи Запада, какую роль сыграл он в формировании мировоззрения значительных слоев западной интеллигенции.

Годы, когда жил и работал Чехов, были годами мирового триумфа русской литературы. В последние десятилетия XIX века русская литература получила широкое международное признание как передовая литература мира. «Влияние великих русских писателей будет спасительным для нашего истощенного искусства», — писал видный французский критик Мельхиор де Вогюэ в середине 80-х годов — как раз в пору расцвета писательского дара Чехова.

В чем был секрет громадного международного успеха классической русской литературы? Французский писатель Проспер Мериме, переводчик и поклонник Пушкина, сказал Тургеневу: «Ваша поэзия ищет прежде всего правды, а красота потом приходит

сама собою». Мериме сумел, таким образом, разглядеть характернейшую черту русской литературы: сочетание в ней трезвого реализма с высокопоэтической картиной мира, правдивости — с красотой.

Зарубежные читатели, восхищаясь высоким художественным мастерством Тургенева, Толстого, Чехова, в то же время не могли не чувствовать, что для великих русских писателей мастерство никогда не было самоцелью, что богатство их образов естественно выросло из богатства их мыслей и чувств, что совершенство формы их произведений было теснейшим образом связано с тем большим и глубоким человеческим содержанием, которое обеспечило русской литературе последнего столетия ведущее место в литературе мировой.

«Честность души» — так определил отличительную черту русских классиков, в том числе и Чехова, английский критик Миддлтон Марри. «Толстой, Достоевский и Чехов, — говорит он, — в своих произведениях... утверждали теснейшую связь мышления и жизни. Русские писатели бесстрашно и с большой глубиной... ставили основной вопрос всякой философии: в чем смысл жизни?... Уже в самой постановке вопроса они исходили из той великой истины, что жить — это значит изведать жизнь во всей ее полноте. Они рассматривали жизнь как совокупность всех человеческих возможностей».

Действительно эти слова полностью применимы к Чехову, сказавшему устами героя «Рассказа неизвестного человека»: «Жизнь дается один только раз, и хочется прожить ее бодро, осмысленно, красиво». Английский критик прав, усматривая именно в таком взгляде на жизнь одну из существеннейших национальных особенностей русской литературы. Он верно говорит и о том, что в творчестве Чехова, как и других крупнейших русских классиков, проявилась важная черта русского склада мышления — теснейшая связь его с действительностью, с практикой. Поиски правды, стремление к справедливости и красоте человеческого существования всегда носили у Чехова не отвлеченный, не умообразный, а активный, действенный характер. В то время как многие современники Чехова

на Западе отображали жизнь с позиций наблюдателя — пусть даже огорченного или негодующего, но бессильного что-либо в ней изменить, — Чехов (как и Толстой, как и Горький) своим творчеством активно вмешивался в жизнь, содействовал ее преобразованию.

«Он, изображающий безвольных неудачников, неврастеников, — писал один из зарубежных исследователей русской литературы, швейцарец И. Матье, — является и воспитателем воли. Он показывает, в каких пошлых, ничтожных созданий превращает нас жизнь, основанная на неправде, — и тем самым он вызывает в нас волю к тому, чтобы отрешиться от такой жизни».

Отмечая в творчестве Чехова высокую «честность души», его активную ненависть к «жизни, основанной на неправде», иностранные писатели и критики не раз подчеркивали, что Чехов в этом смысле является носителем характерных черт всей русской классической литературы. И они не раз пытались ответить на вопрос: чем вызван этот высокий моральный уровень русской литературы, обусловивший собою ее мировое значение? В применении к Чехову наиболее удачный ответ на этот вопрос дал английский критик Эдвард Гарнетт, который вместе со своей женой, переводчицей Констанцией Гарнетт, чрезвычайно много сделал для популяризации Чехова в Англии. «Мы должны отметить, — говорит он, — что одна из наиболее жизненных черт искусства Чехова, как и его великих русских предшественников, заключается в том, что на фоне его картин всегда ощущимо дыхание широкого океана человечности, крестьянских масс, и это видение скрытых глубин поднимает его картины над плоским, классово ограниченным уровнем западно-европейской беллетристики... Именно из этого фона, из этого безбрежного, таинственного моря человеческой жизни, волнующей и трагической, и возникает русская широта кругозора...»

Гарнетт здесь приближается к пониманию того, что именно близость русских писателей к массам трудящихся, тесная связь их с народным освободительным движением явилась источником силы и величия русской литературы и что значение Чехова как художника основано прежде всего на том, что в творчестве его отразились гнев, надежды и чаяния трудового русского народа. Эта демократическая, народная сущность чеховского творчества ясна далеко не

всем его иностранным читателям. Но и те зарубежные знатоки Чехова, которые не сумели во всей глубине понять идейный смысл его творчества, тем не менее высоко оценивают его как художника, с большим единодушием говорят о значении вклада, сделанного Чеховым в мировую литературу.

Характерно, что Чехов имел и имеет на Западе одинаково широкий и прочный успех как у массового читателя и зрителя, так и у специалистов-литераторов. Его книги выдержали по многу изданий на всех основных иностранных языках. Его пьесы многократно ставились во всех столицах мира и всегда встречали теплый прием у зрителя (совсем недавно, уже во время Отечественной войны, была осуществлена новая постановка «Трех сестер» в Нью-Йорке). Миллионы людей на Западе ощутили обаяние чеховской задушевности, чеховского юмора, чеховского лиризма. И в то же время многие западные писатели и литературоведы увидели в Чехове крупнейшего мастера повествовательного и драматического искусства, указавшего художественному слову новые пути развития.

В «Британской энциклопедии» о Чехове сказано: «Англия оказалась особо восприимчива к его обаянию. Он почти единодушно признается величайшим русским писателем и величайшим новеллистом и драматургом нового времени».

Разумеется, художественное новаторство Чехова тесно связано с национальными особенностями русской литературы. Именно стремление русских писателей к правдивости, к социальной содержательности творчества побудило их искать и находить новые, все более совершенные способы непосредственного и точного воссоздания реальной жизни в искусстве. Мастерство Чехова в этом смысле — завершение блестящей линии развития русского реализма XIX в. «Ныне, — говорит английский исследователь Чехова Уильям Герхарди, — стало труднее быть неискренним в искусстве, стало труднее притвориться... Этим современная литература обязана великим русским писателям». «У Чехова, — говорит он далее, — сам поток жизни образует и форму, и содержание его произведений».

Действительно, творчество Чехова явилось громадным шагом вперед в смысле освобождения реалистического повествования и драмы от элементов искусственности, условности, в смысле приближения их к действительности. Чеховское умение видеть типическое в повседневном, улавливать в будничном «потоке жизни» самые характерные, самые существенные детали; чеховское искусство безошибочного нахождения лиц и

ситуаций, позволяющих с предельной простотой и естественностью раскрывать смысл сложных жизненных явлений, — все это обогатило мировую литературу и сыграло громадную роль в ее развитии.

В свое время Энгельс писал о том, что в настоящем художественном произведении «тенденция должна вытекать из положения и действия, без того, чтобы это особо указывалось». В качестве примера тенденциозности в хорошем смысле слова, примера идейной направленности искусства, утверждаемых не авторской проповедью, а силой самих образов, Энгельс привел «превосходные романы» русских писателей. Чехов и в этом отношении явился продолжателем и завершителем лучших традиций русского классического реализма. Он дал писателям мира пример того, как можно беспощадно обличать ложь, пошлость, эгоизм собственника, тупость обывателя, не прибегая ни к гневным речам, ни к поучительной интонации. Он дал мировой литературе пример, как может высокая идейность сочетаться в искусстве с большой художественной сдержанностью, с предельным тактом и чувством меры. Недаром известный английский романист Джон Голсуорси, отстояв необходимость художественного такта в изображении прозаических и грубых явлений жизни, писал, что его учителями в этом отношении являются Тургенев, Толстой, Чехов, которых он назвал так: «люди, чьим именем мы являемся».

Но самая важная черта Чехова-художника (в которой он, как и во всех других, является носителем национальных традиций русского искусства) — это его лиризм, его мастерство воссоздания внутренней жизни человека. Художественные особенности русского реализма и в этом отношении связаны с его идейными качествами. Гуманистическая устремленность русских писателей, их скорбь за угнетенных, их борьба за защиту свободы и достоинства человеческой личности — все это побуждало их с пристальным вниманием относиться к духовному миру человека и совершенствовать свое психологическое мастерство, достигая в этом отношении все новых высот. Если творчество Толстого, проникнутое «мужичьим демократизмом», мотивами природы и труда, явилось новым шагом в мировом искусстве в смысле изображения здоровой человеческой психики, то творчество Достоевского, защитника «униженных и оскорбленных», по-новому раскрыло миру боль и муки человеческой души, исковерканной уродливыми общественными отношениями. Чехов-психолог является одновременно наследником и Толстого и Достоевского. Он нашел совершенно новые художественные

средства передачи человеческих эмоций, позволившие ему показать те тонкие, неуловимые грани, которые отделяют здоровье от болезни, показать те будничные расстройств, мелкие странности и чудачества, которыми реагируют люди на ненормальные условия жизни, — и в то же время показать то бодрое, творческое начало, которое жило в душе многих русских людей, позволяя им внутренне сопротивляться жестокостям и безобразиям их подневольного бытия. И неудивительно, что психологическое мастерство Чехова, его лирический подтекст, его исключительная гибкость в передаче тончайших оттенков душевных движений в большой степени способствовали мировому признанию его как великого художника-новатора.

«Чехов, — писал Джон Голсуорси в 1933 г., — был наиболее мощным магнитом для молодых писателей нескольких стран в течение последних двадцати лет». Это подтверждает и другой крупный английский писатель, наш современник Джон Б. Пристли: «Влияние Чехова уже теперь огромно и ни в коем случае не завершено». Художественный метод Чехова, по словам Пристли, — это «метод, который усвоит в ближайшем будущем лучшие мастера повествовательного искусства», это «лучшее, что есть в современной литературе».

Неудивительно, что творческий облик многих выдающихся писателей современности сложился под непосредственным воздействием Чехова. Воздействие это носило на себе и такие известные мастера короткого рассказа, как американские писатели Шервуд Андерсон и Эрнест Хемингуэй и английская писательница Кэтрин Мансфилд, крупнейшие деятели современной западной драматургии, от Бернарда Шоу до Пристли. Каждый из этих писателей по-своему претворяет те новые художественные принципы строения рассказа или драмы, те новые методы сатирического или лирического повествования, те психологические приемы, которые внес Чехов в мировую литературу. Но самое важное и самое ценное в мировом влиянии Чехова — это то, что он, будучи носителем традиций русской культуры, учит писателей Запада, что нет и не может быть большого искусства без большой гуманистической идеи, без активной ненависти к пошлости и варварству, без активного стремления к счастью человека на земле.

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

5 июля 1944 г.

3 стр.